

✦ Классическое наследие

UDC 394.014

DOI: 1606-951X.2015.2.2081

Р.Р. ВОЛЬ, А.Л. СТРАУСС*

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ И ГОРОДСКАЯ СРЕДА**

Аннотация: В этой статье авторы рассматривают проблемы восприятия города и городской среды и их символической репрезентации. Рассматриваются разные виды визуальной репрезентации (вид с воздуха, панорамные виды, образы примечательных мест) и вербальной репрезентации (постулирование города как единства, персонификация, приписывание атрибутов, аналогии). Эти символические средства обеспечивают ориентацию в городской среде и возможность повседневного комфортного существования в ней.

Abstract: In this article the authors discuss the problems of comprehension of city and urban milieu and their symbolic representation. They consider various kinds of visual representation (aerial view, panoramas, images of particular landmarks) and verbal representation (assuming city as a unit, personification, assignment of attributes, analogies). These symbolic devices provide the orientation in urban milieu and possibilities of everyday comfortable existence in it.

Ключевые слова: город, городская среда, городская сложность, символическая репрезентация.

Keywords: city, urban milieu, urban complexity, symbolic representation.

Если, как предполагал Роберт Э. Парк, город есть «состояние духа» (см. прим. 1), то горожане должны психологически реагировать на свою городскую среду; они должны в какой-то мере пытаться постичь значение его сложности не только буквально, но также образно и символически. Для многих людей эти же психологические требования затрудняют понимание городской жизни в эмоционально удовлетворительных терминах. Именно к этому феномену мы и обратимся. Нас будет интересовать, каким образом и какими средствами горожане достигают социального видения городской жизни и городских сообществ: как они научаются так управляться со своими впечатлениями, чтобы в них символически схватывались целые города; как они трактуют целые города как эвокативные и экспрессивные артефакты.

* Перевод публикуется в редакции переводчика.

** Перевод сделан по источнику: Wohl R.R., Strauss A.L. Symbolic Representation and the Urban Milieu // *American Journal of Sociology*. 1958. Vol. 63. N 5. P. 523-532.

Анализируя эти процессы, мы будем делать их на вид гораздо более продуманными и упорядоченными, чем они обычно бывают на самом деле. Как правило, идентифицирующая характеристика конкретного города и символические импликации этой характеристики для представляемого им качества жизни собираются городским жителем более или менее случайно, по мере того как он вырабатывает свой личный «стиль жизни» в конкретном сообществе. Город проблематичен для него прежде всего в ограниченных, частных рамках. Он должен в нем зарабатывать, заводить друзей, найти дом для себя и своей семьи и выработать подходящий круг повседневной жизнедеятельности. Решая эти задачи, он чувствует какие-то особые качества, которыми, видимо, отмечен город как целое. Ездя или гуляя по городу, читая его местные газеты, говоря о нем с людьми, он сталкивается с убедительной пропагандой его отличительных атрибутов. Он выстраивает комплекс ассоциаций, подготавливающих его к принятию и оценке сжатой символической характеристики этого места.

I

Не только чувство места у горожанина развивается постепенно; также ему крайне трудно визуализировать физическую организацию своего города и даже, более того, придать смысл перекрестным течениям его активности. Видимо, неизменной характеристикой городской жизни является то, что люди должны прибегать к определенным стилизованным и символическим средствам, чтобы «увидеть» город. Самое обычное средство для получения пространственного образа города — взглянуть на аэрофотосъемку, на которой весь город или значительная его часть видится с большой высоты. Такой взгляд, видимо, объемлет весь город как физически, так и психологически (см. прим. 2). На самом деле аэрофотосъемка оказывается для обывателя не только смутным, но и крайне искаженным образом города: она не может быть прочитана напрямую, поскольку точная интерпретация здесь требует значительных специализированных навыков. На самом деле такая картинка служит сведению образа города к суггестивному выражению плотности и массы. Кроме того, она упрощает город, размывая огромную массу деталей и фиксируя внимание наблюдателя на избранных достопримечательностях, выбивающихся из относительно недифференцированного фона.

Попытки охватить город одним взглядом предпринимались, конечно, и до появления аэроплана. Картины «с высоты птичьего полета» — например те, которые делались с верхних точек высотных зданий или с близлежащих холмов и гор, — тоже пытались дать взгляд с большой высоты (см. прим. 3). Той же цели служила иная манипуляция расстоянием — схватывание города снизу. Некоторые из прошлых чертежей Канзас-Сити, например, делались от реки Миссури, и они очерчивают профиль города как сидящий на берегах. Иногда может использоваться горизонтальная опорная линия, например, в рисунках и фотографиях города с другой стороны реки или залива.

Альтернативная возможность достижения все той же психологической дистанции — манипулирование скорее городом, нежели точкой наблюдения. Традиционно это достигалось путем использования моделей. Так, в 1849 г., когда Нью-Йорк необычайно быстро рос, группа ремесленников создала точную миниатюрную копию города. Наблюдатель возвышался над моделью, достигая во многом такого же эффекта, какого мы сегодня добиваемся при помощи аэрофотосъемки. Конечно, ос-

матривая такую модель, человек мог, вероятно, увидеть столь же мало деталей, как и мы сегодня на изображении, сделанном с аэроплана. Поэтому подвижники этой конкретной миниатюры со значением подчеркивали, что каждая деталь городских домов и улиц воспроизведена ими со всей точностью, хотя на самом деле никто не мог рассмотреть модель достаточно пристально, чтобы воспринять и оценить эту педантичную верность оригиналам (см. прим. 4).

Эти методы изображения городского пространства представляют собой выразительные декларации его буквальной необъятности. Город как целое недоступен воображению, пока его не редуцировали и не упростили. Даже старожил и максимально осведомленный гражданин вряд ли могут надеяться на знание города даже сравнительно небольшого размера во всем богатстве его тонких и неуловимых подробностей. Здесь мы можем позаимствовать ключ из рассуждений Роберта Редфилда о малых сообществах (см. прим. 5). Он отмечает, что малые сообщества могут быть рассмотрены с разных точек зрения: их экологических и физических измерений, их социальной структуры или их биографий. Если мы рассматриваем так же крупные сообщества, то оказывается, что сложность физической планировки и структуры необычайно велика, а социальная структура настолько сложна и запутанна, что даже исследовательские команды социологов вряд ли способны на что-то большее, нежели постижение общих очертаний значимых групп и их взаимосвязей. Да и кто обычно может рассчитывать на познание и понимание всей социальной истории города?

Удивительно ли тогда, что люди, дабы обрести взгляд на город, будут буквально отстраняться и отходить на шаг от него? (См. прим. 6.) Расстояние проясняет поле зрения, даже если это влечет за собой потерю некоторых насыщенных деталей. В Нью-Йорке, например, обсерватория на вершине Эмпайр-стейт-билдинг служит классической точкой обзора для тех, кто хочет быстро схватить образ Нью-Йорка.

Ежегодно обсерваторию посещают около 850 тыс. человек; в большинство дней более 2 тыс. человек приходят сюда, чтобы взглянуть на город. И даже в те дни, когда город невидим с высоты по причине дождя, тумана или снега, некоторые все же поднимаются наверх, чтобы покормить свое воображение видом, которого они на самом деле не видят. С вершины здания город выложен как диаграмма, усеянная тут и там достопримечательностями. Панорама поделена для наблюдателей маркерами видимости, ограничивающими воображаемые концентрические круги обзора радиусом три, пять, семь, десять и так до 25 миль. С этой высоты, отмечает путеводитель, всё в радиусе одной мили задает «ограниченную» видимость. Что схватывают посетители, смотря сверху на город, показывает безыскусное красноречие одной женщины: «Солнце и звезды — пригороды Нью-Йорка» (см. прим. 7). Главное психологическое удовлетворение здесь, конечно же, в том, чтобы воспринять каким-то образом единство и порядок, скрытые за видимой стремительной беспорядочностью города (см. прим. 8), т.е. схватить его целиком (см. прим. 9).

Но даже вид с воздуха для каких-то целей слишком велик и слишком разнообразен, чтобы символизировать город. Имеются более мелкие и более конденсированные символы, и нередко они даже более эвокативны, при всей их лаконичности. Так, утонченный и величавый силуэт Голден-Гейт-бридж символизирует Сан-Франциско, лаконичный крупный план Французского квартала идентифицирует Новый Орлеан, а самый ходовой пример — вид очертаний Нью-Йорка с Бэттери, являющийся устойчивым эквивалентом этого города. (Этот символ настолько понятен, что в ки-

нофильме, чтобы установить место действия, достаточно просто на мгновение дать на экране картинку этих небоскребов, а затем направить камеру на начальные эпизоды фильма. Это кодированное, стенографическое выражение сразу понимается аудиторией.)

Это знакомое выражение «сущностной» природы города так же принимается коренными ньюйоркцами, как и аутсайдерами. Между тем для ньюйоркца исключительно трудно — и даже необычно — увидеть когда-либо эту часть города. Этот вид обычно доступен только тем, кто заходит с моря в нью-йоркскую гавань. Иногда его можно разглядеть из самолета, но если коренные ньюйоркцы захотят увидеть эту часть своего города, то им надо будет переправиться на пароме в бухту — возможно, на остров Бедлоу, — и только оттуда им откроется этот вид.

Однако для целей, которым служит символ, на самом деле не нужно, чтобы кто-то буквально видел сам вид; важно быть способным понять, что он репрезентирует. Скопления зданий, цельность и плотность агломерации, блестящие крыши, обманчивая ясность и упорядоченность, которую придает сцене взгляд издали, по-видимому, отражают всю энергию, многолюдность, богатство и величие города. Очертания города на горизонте представляют, в конечном счете, сущность Нью-Йорка, великого метрополиса, Нью-Йорка как «величайшего» и «богатеяшего» города в мире.

В самом деле, влияние этих очертаний на воображение оказывается порой настолько убедительным, настолько всеобъемлющим, что видение города в нормальной перспективе и в деталях может принести разочарование. Так, Ром Ландау описывает свое разочарование от действительного знакомства с Нью-Йорком после того, как он его визуализировал исходя из его очертаний на горизонте. «Набережная Нью-Йорка, выстреливающая в небеса подобно факелам, возможно, самая восхитительная в мире. А сам город можно было бы описать как всего лишь шахматную доску из прямых каньонов, заключенных в гигантские стены, как пульсирующий неугомной жизнью, динамичный, беспокойный, да — но прекрасный ли...?» (см. прим. 10).

Эти символы обеспечивают еще один тип редукционизма, который позволяет охватить единым взором широкое пространство города. В отличие от взглядов с расстояния, которые искажают, размывают и сглаживают образ города, эти панорамные виды служат масками. Они доходят до упрощений и навязывают ограничения, проистекающие из взгляда на фасад. Они прячут то, что кроется позади, или приглашают зрителя пренебречь им в пользу интерпретации, представленной самим фасадом. Каждый большой город содержит некоторое множество таких фасадов, и не все они положительны. В Чикаго очертания даунтауна символизируют один набор образов, Большая петля предлагает другой, а Мичиган-авеню или трущобы Саут-Сайда дают третьи частичные точки обзора (см. прим. 11). Ни одному из этих фасадов не удается быть на высоте того, что он обещает. Большой город бесконечно больше своих частей и определенно больше, чем его частные виды, которые смягчают, но не устраняют давления, ощущаемые индивидом, пытающимся понять и объять в воображении свою городскую среду.

В более ограниченной степени, чем в любом из ранее рассмотренных средств, пространственная сложность и социальное разнообразие города как единого целого интегрируются иногда использованием сентиментальной истории для отбора примечательных мест. Такая история вряд ли когда-либо соответствует ортодоксальной хронологии действительного развития города. Конкретные достопримечательности пробуждают в памяти символическое прошлое, выписанное вокруг отдельных дра-

матических эпизодов городской истории. Такими местами являются, например, Уотертауэр в Чикаго или Телеграфный холм в Сан-Франциско (см. прим. 12).

II

Смотреть на город, даже подключив воображение, — только начало поиска смысла и качества городской жизни. То, что видится — буквально или мысленно, — должно быть выражено и проинтерпретировано. Быть может, наступает кризис осознания, когда становится ясно, что сумбур впечатлений нуждается в сознательной рефлексии. Такой момент ухватил для нас Чарльз Дадли Уорнер. Он зафиксировал его как никто из нас, наверное, потому что был журналистом и объездил ради написания серии очерков о западных городах всю страну. «Все дело в нахождении точки зрения», — решил он.

«Прошлым летом одна дама из Нового Орлеана, никогда прежде не покидавшая своего родного французского города... посетила Чикаго и Нью-Йорк. “Какой город вам понравился больше?” — спросил я, не вкладывая в вопрос ничего серьезного. К моему удивлению, она погрузилась в раздумья. Это ее колебание стало фатальным для всех моих прежних понятий. С этого момента ее предпочтение уже ничего не значило: она колебалась... “Ну как сказать, — промолвила она, не видя юмора в моем замечании, — в Чикаго, как мне кажется, лучше дома и жилье, это более красивый город, но, конечно, в Нью-Йорке всего больше, этот город крупнее, и, исходя из того, что мне нужно, я предпочла бы жить в нем”. Это наивное наблюдение побудило меня задуматься, и вот о чем: я думал, нет ли такой точки зрения — скажем, божественного всеведения и справедливости, — с которой Чикаго оказался бы одним из великих мировых городов, метрополисом, готовым соперничать в населении и богатстве с любым городом мира» (см. прим. 13).

Таким образом, город ставит проблемы значения. Улицы, люди, здания и меняющиеся сцены не приходят с уже готовыми ярлычками. Они требуют объяснения и интерпретации. Когда в социологической литературе или в литературе по городскому планированию говорят, что города в основе своей аномичны и дезорганизующи или что города предоставляют оптимальные условия для творческой жизни, очевидно, что такие замечания являются одновременно характеристиками, оценками и интерпретациями. Город может пониматься его гражданами и исследователями по-разному: как место, где нужно добиться успеха; как место, где анонимность маскирует возможности обретения удовольствий, возбуждения и свободы; или, возможно, как место, которое подрывает здоровье и счастье, но ресурсами которого вполне можно пользоваться с безопасного пригородного расстояния.

Однако у граждан любого города нет возможности постичь его во всей его тотальности. При этом каждый индивидуальный гражданин, ввиду своего особого выбора альтернатив действия и опыта, будет нуждаться в некотором словаре для выражения того, каким он видит в воображении весь город.

В результате, говорение о городах вовлекает говорящего в постоянный поиск сути своего городского опыта и способов его выражения. Между тем язык для этого используется формальный. В обиход вошел довольно узкий репертуар языковых конвенций, формальность которых задается тем фактом, что форма используемых риторических средств не зависит от их содержания; их установленные фразировки пригодны для всех и любых содержательных утверждений о качествах города.

Городская среда настолько очевидно многогранна, что один из самых простых и очевидных способов придать ей глубинное единство — просто допустить его и далее высказываться о нем с помощью прилагательных (см. прим. 14). Говорящий претендует на то, что определяемое существительное (название места) полностью выражается суммой его определений. О городе, следовательно, можно говорить, что он дюжий, крепкий, космополитичный, самоуверенный, безмятежный, суматошный, прогрессивный, brutальный, сентиментальный и т.д. (См. прим. 15.) Для кого-то этот метод постоянно подходит; они довольствуются ощущением того, что качество их опыта и настроение, пробуждаемое их смутно ощущаемыми подразумеваеманиями, дают тот цемент, который связывает эти атрибуты воедино.

Список атрибутов, однако, может расти так долго и так быстро, что от уверенности в исходном предположении, что эти качества суммируются, ничего не остается. Самым очевидным образом это происходит тогда, когда городу приписываются противоречащие друг другу атрибуты и эти явно конфликтующие интерпретации, видимо, требуют дальнейшего объяснения. Даже в этом случае все еще возможно не обращать внимания на затруднение, утверждая, что эти противоположности примиряет синтетический принцип, состоящий в том, что рассматриваемый город по сути своей парадоксален. Так, один автор, рассуждая о Форт-Уэрте, приходит к удобному выводу, что он «парадоксально столичный город» (см. прим. 16).

И атрибутирование единства, и приписывание особых качеств могут организовываться вокруг еще одного, почти столь же очевидного принципа. Весь комплекс городской жизни может мыслиться как некое лицо, а не как отдельное место, и город может быть наделен личностью — или, как обычно говорят, особым характером (см. прим. 17). Как персона, город приобретает биографию и репутацию (см. прим. 18). Персонифицированные города могут описываться с помощью личных местоимений и мыслиться — посредством употребления соответствующих глаголов — как обладающие способностью к действию и владению. Благодаря этому способу говорения мы выдвигаем в отношении городов такие же оправдания и оценки, какие обычно склонны выдвигать в отношении людей (см. прим. 19).

Городская сложность, заставляющая нас мыслить в терминах единства или многосторонности и персонификации, приводит нас также к постижению городов как «реально» и «сущностно» подобных чему-то другому, чему-то такому, что мы уже знаем и понимаем. Одним словом, сложность побуждает нас проводить аналогии. Аналогия может быть сравнительно имплицитной, например: «Чикаго — это город, которым кто-то должен повелевать, как если бы он был величественным и суровым животным, порывистым и ревущим» (см. прим. 20). Или можно использовать эксплицитную метафору, например: «Нью-Йорк, город с нейлоновым сердцем» (см. прим. 21). Город может именоваться или сравниваться с фабрикой, сумасшедшим домом, фронтиром, женщиной (см. прим. 22).

Во всех таких фразировках говорящий опирается на эмоциональные и неспецифические ресурсы языка, проясняя в терминах чего-то уже нам знакомого то, что представляется ему глубинным смыслом внешне запутанного и вводящего в замешательство городского мира. Чикаго, описанный Сэндбергом как «свинобой и мясник всего мира», поэтически емко схватывает для многих (судя по частому цитированию) характерное качество жизни и атмосферы этого города. Немало описаний наших городов отличаются поэтичностью и большой двусмысленностью; мы находим их как в песнях хвалы и преданности, так и в гимнах отвращения (см. прим. 23).

Аналоги городов, их персонификации или просто перечни их свойств в виде ряда прилагательных — все это сознательные попытки установить отличительные качества, помогающие объяснить или рационализировать рой впечатлений, переполняющих наблюдателя. Эти уникальные качества, как только они установлены, могут быть проработаны в деталях с помощью аппарата иллюстраций и метких историй, нацеленных на показ того, как эти качества кроются за типичными событиями и институтами и просвечивают через них. Это язык не просто иллюстраций, но и экземплификации. Многие годы посетители Чикаго писали о городе и видели город, выраженный его отелями, его толпами, его огромными универмагами и его скотными дворами (см. прим. 24). Знаменитая оценка Чикаго Киплингом содержит особенно жесткое и эффектное описание скотных дворов как архетипического символа этого города. Завершается оно следующими словами:

«И тогда милосердное Провидение, которое сеяло добро на моем пути, послало мне олицетворение города Чикаго, чтобы я смог запомнить его навсегда. Женщины иногда приходят взглянуть на это убийство, впрочем, как и на людскую бойню. И вот в зал, окрашенный киноварью, вошла рослая молодая женщина с блестящими алыми губами, густыми бровями и копной темных волос, которые были уложены на лбу “вдовьей волной”. Женщина дышала здоровьем, богатством и была одета в пламенеющее красное и черное, а на ее ногах... красовались алые кожаные туфельки. На нее падал сноп солнечных лучей, кровь струилась у нее под ногами, вокруг висели яркие, багровые туши. Бык истекал кровью в каких-то шести футах поодаль. Фабрика смерти грохотала. Дама смотрела вокруг с любопытством смелым немигающим взглядом и не думала смущаться.

Тогда я сказал себе: “Это особое знамение. Теперь я действительно увидел город Чикаго”. И я покинул эти края, чтобы обрести мир и покой» (см. прим. 25).

Расширять понятие отличительности можно до тех пор, пока качества города — по крайней мере в комбинации — мыслятся уникальными. Не только зазывала заявляет, что такого города, как его город, нигде больше нет, но и обычный гражданин, независимо от того, одобряет он свой город или нет, тоже может так считать. Исключительность города может провозглашаться открыто, как, например, в утверждении «только в Сан-Франциско» или в вопросе «ну где еще вы сможете найти (какой-то институт, опыт или особый тип личности)?» (см. прим. 26). Это же отличие может провозглашаться с помощью категорического утверждения, что каждый в данном конкретном городе действует некоторым типичным образом: весь Балтимор гордится; весь Бостон соблюдает приличия; весь Сан-Франциско любит повеселиться (см. прим. 27). Суть и уникальность могут утверждаться самым тончайшим образом, возможно, путем утверждения, что суть маскируется видимостью и что эта видимость может быть ошибочно принята за сущность. Один гость Сент-Луиса несколько лет назад предупредил:

«Сент-Луис — это единственный крупный западный город, в котором человек из наших восточных городов сразу почувствует себя как дома... Но все же сегодня Сент-Луис еще новорожденный, и видимость его возраста и сходства с восточными городами дает о нем превратное представление. Он совершенно не такой, каким выглядит» (см. прим. 28).

В обыденной речи инверсия сущности-видимости выражается более прямолинейно, чем в этом витиеватом утверждении. Мы часто говорим посетителям или но-

воприбывшим, что им нужно немного пожить в нашем городе, чтобы увидеть его таким, каков он на самом деле. Но проведение контрастных сравнений между городами не отличает автоматически особую атмосферу и качество жизни в конкретном городе. Мы можем даже заметить, что расстояние фактически потворствует очарованию, что, посещая другие города, люди возвращаются в свой родной город с более острым осознанием индивидуальности родного места, какими бы расходящимися ни были эти осознания.

До сих пор мы смотрели на города так, как они характеризуются индигенным символизмом или выделяются на фоне других городов. Можно, однако, оценить город и его смысл и в терминах некоторых предполагаемых фундаментальных характеристик американской культуры. Так, о Нью-Йорке говорят, что на самом деле это вообще не американский город (см. прим. 29). В свою очередь Чикаго не раз описывался как воплощение «американского духа», как самое сердце Америки (см. прим. 30). В последнее время о Канзас-Сити стали говорить как о «типичном американском городе» (см. прим. 31). Эхо этого способа характеристики слышно в работах популярных историков таких городов, как Цинциннати и Филадельфия, откровенно защитительных, поскольку, видимо, их города не отмечены прогрессивным, бурлящим и призывным духом некоторых других американских сообществ (см. прим. 32).

Следовательно, города могут мыслиться как символические для — или несущие в себе ценности — более крупных сущностей, нежели они сами. Исходя из самой природы символизма, как отмечает Альфред Уайтхед, такой процесс расширения вполне неизбежен; ведь символизм растет буйно (см. прим. 33). Он не ведает пределов — ни исторических, ни пространственных. И раз уж размышления переходят в вопрошание о подлинно американском городе, то, возможно, настанет время, когда на самую адекватную репрезентацию того, что значит Америка для XX века, открыто заявит свои права Лос-Анджелес.

Видимо, можно уверенно утверждать, что без риторических ресурсов у горожанина могло бы не быть вербальных репрезентаций как своего города, так и любого другого. Характеристика города и проживаемой в нем жизни незаменима для организации неизбежно противоречивой массы впечатлений и опытов, с которыми каждый его житель сталкивается и которые он должен сопоставлять и оценивать не только ради душевного спокойствия, но и для осуществления повседневной жизнедеятельности. Когда город так или иначе символизирован, действие в городской среде становится организованным и относительно рутинизированным (см. прим. 34). Чтобы человеку в городе было уютно, в самом широком смысле слова, ему требуется формулировка своих связей с ним, пусть даже несистематическая и грубая. Неуверенность в характере среды может породить лишь глубокий психологический стресс.

Все такие символические репрезентации городской среды, между тем, внутренне нестабильны. Города меняются, заставляя тех, кто в них живет, сталкиваться с недостатками концепций, бывших когда-то проверенными и истинными. Город после экономического бума или затопленный притоком иммигрантов явно не тот же, каким он был прежде. Но каким бы ни было изменение, драматическим и массивным или повседневным и незаметным, городские социальные перспективы — и их символы — в конечном счете обманывают ожидания даже самых ревностных их приверженцев. Более того, даже самый нечувствительный горожанин не может не открывать время от времени новые грани города. Одно из постоянных условий городского

существования состоит в том, что оно содержит в себе неиссякаемый запас сюрпризов. И не имеет значения, приятны эти сюрпризы, вызывая или глубоко дискомфортны; с ними, как и со всеми подобными впечатлениями, надо справляться; их нужно приводить в созвучие с другими впечатлениями городской жизни.

Когда требуются новые концептуализации городских окружений, вновь вступают в игру риторические средства; только их содержание меняется. Чтобы оценить новое и справиться с диссонирующим, приходится пускать в ход аналогию или какой-то другой риторический ресурс. В этот момент кристаллизуются и становятся общим достоянием новые символические репрезентации, воплощенные в яркой истории, слогане, стихотворении или в какой-то более прозаической форме.

Примечания

1. Park R.E. et al. *The City*. Chicago: University of Chicago Press, 1925. P. 1. Пассаж, в котором заключена эта фраза, звучит так: «Город... это больше чем скопление индивидов и социальных удобств — улиц, зданий, электрического освещения, трамваев и телефонов и т.д., больше чем просто констелляция институтов и административных учреждений... Город — это скорее состояние духа, корпус обычаев и традиций, а также организованных установок и чувств, укорененных в этих обычаях и передаваемых этой традицией». В 1925 г. в социологической фразеологии и почти тех же словах Парка мы улавливаем эхо более религиозной, но столь же психологической перспективы ранних поколений. Преподобный Эдвин Чэпин проповедовал в 1853 г. своей пастве, что «город есть нечто большее, нежели скопление зданий или множество людей, нечто большее, чем рынок или жилое место... в самой своей глубине он имеет моральную значимость...» (Chapin E. *Moral Aspects of City Life*. N.Y.: Henry Lion, 1853. P. 12).

2. Английский визитер, пишущий об американском Среднем Западе, очень ярко описал сложный и связный образ, предлагаемый таким взглядом на весь город. «Самый впечатляющий вид Нового Света — это когда в ясный день вы вплываєте в нью-йоркскую гавань. А самый впечатляющий первый вид Среднего Запада — это когда вы влетаете в Чикаго ночью с востока, воспаряя над чернотой прерий к огромным красным доменным печам и сталелитейным заводам, улавливая справа по курсу первые мерцающие вспышки маяка Линдберга от Пальмолив-билдинг и дальше, созерцая блестящие прямоугольники, образованные тысячей квадратных миль улиц и зданий. Огромный расползающийся город болот и прерий, единое сообщество многих сообществ, *communitas communitatum*» (Hutton G. *Midwest at Noon*. Chicago: University of Chicago Press, 1946. P. 140).

3. Несколько случайных замечаний, высказанных в 1884 г. одним из посетителей Сент-Луиса, иллюстрируют, насколько обыкновенной практикой было восхождение на какую-то высокую точку с целью увидеть и попытаться мысленно охватить город в целом. В некоторых городах, однако, видение и, следовательно, мысленное схватывание были затруднены, и в результате городское сообщество было скрыто от заинтересованного наблюдателя. «Но теперь о самом городе. Допустим, мы вошли в него... Куда отправиться прежде всего? Вверх, в какую-то высокую точку, например на купол здания суда, откуда открывается общий вид на целое? Да бросьте, за некоторыми редчайшими исключениями, ожидать этого бесполезно. Фотографы делают свои снимки по воскресеньям, когда трубы на время перестают дымить, и тогда можно уловить какие-то отдельные перспективы; но, как правило, Сент-Луис так же невидим, как Лондон... Нет, Сент-Луис нужно исследовать в деталях» (Anonymous. *St. Louis // Harper's*. 1884. Vol. LXVIII. P. 498).

4. Belden E.P. *New York — as Is*. N.Y.: John P. Prall, 1849. Эта брошюра включает выдержки из местных газет. В «Нью-Йорк таймс» от 18 марта 1846 г. дается следующий комментарий по поводу манипуляции городом, а не наблюдателем: «Все пространство улиц, переулков и домов развернется перед посетителем, как оно предстало бы ему с воздушного шара, но с тем преимуществом, что он будет избавлен от нервного чувства, сопутствующего воздухоплавательной экспедиции» (p. 16).

5. Redfield R. *The Little Community: Viewpoints for the Study of a Human Whole*. Chicago: University of Chicago Press, 1955.

6. Жак Барзун подчеркивает этот момент, когда пишет: «Нью-Йорк — это видимый горизонт, самое колоссальное и невероятное рукотворное зрелище со времен висячих садов Вавилона. Примечательно, что вы должны находиться вне города — на мосту или на Джерси Тернпайк, — чтобы им насладиться». Его замечания проясняют также, насколько трудно ему самому представить город в понятиях без такого дистанционного физического восприятия. «И все же невозможно насладиться им как величественным зрелищем, коим он, несомненно, является. Только не изнутри... ни одно из них [городских зданий] не есть соб-

ственно Нью-Йорк; последний остается абсолютно невидимым, просто концептом... [Многие из зданий плохи в архитектурном отношении], но взятые вместе – какую тонкую, непревзойденную линию горизонта они дают!» (Barzun J. *God's Country and Mine*. Boston: Little, Brown & Co., 1954. P. 240, 252).

7. Эта информация взята из двух источников: *The New Yorker*. Vol. XXVII. July 28, 1951. P. 13-14; *Reader's Digest*. Vol. LXI. August, 1952. P. 135-138. Цитата взята из второй статьи (p. 138).

8. «Читателю, случайно посетившему Нью-Йорк, скорее всего покажется, что в нем нет единства, связности старых мировых городов... Но все же за разнообразием мириад контрастов и конфликтующих свидетельств кроется единство. Когда вы смотрите вниз на город с вертикальной высоты Эмпайр-стейт-билдинг и видите, как он плотно выступает наружу над болотом, равниной и холмами, вы наблюдаете физическое единство феномена, называемого Нью-Йорком» (Parton M.F. *Metropolis: A Study of New York*. N.Y.: Longmans, Green & Co., 1939. P. 183).

9. Описывая поистине впечатляющее величие Нью-Йорка, открывающееся взору с Бруклинского моста, Альфред Казин показывает, как визуальная репрезентация города может воплотить в себе как то, что видится, так и место, с которого это видится: «[Он] один наслаждается всем величием гавани и окружающих городов... И мост, над всем этим вознесшийся... с какой-то точки зрения всего лишь великий идол, которому все эти улицы подчинены. Но, с другой стороны, он их превосходит... Бруклинский мост прекрасен – и как сложная механическая конструкция, и как произведение архитектуры, и как символ и связующая ткань окружающей человеческой истории» (Kazin A. *Brooklyn Bridge* // Klein A. (ed.) *The Empire City: A Treasury of New York*. N.Y.: Rinehart & Co., 1955. P. 153-155, 149).

10. Landau R. *Among the Americans*. L.: Robert Hale, 1953. P. 60.

11. В специальном выпуске, посвященном Нью-Йорку, редакторы «Форчун» просят для нас эту символическую особенность фасадов. Они предлагают читателям вид на город в районе Парк-авеню, который называют «символом города». Под этим заголовком приводится пояснение: «Парк-авеню – это больше состояние духа, нежели *нужный* адрес, ведь боковые улочки более ухожены, а район Ист-ривер приятнее на вид. Эта прекрасная улица... сердце жилой столицы. Здесь мы находим богатых и близких к богатству плейбоев и ухоженных леди. В этом символе – весь лоснящийся Ист-Сайд» (*Fortune*. Vol. XX. July, 1939. P. 84).

12. Сама быстрота изменения во многих американских городах разрушает ценность некоторых достопримечательностей для символизации гражданской истории. Вот Джон Гантер стоит в изумлении перед этой недолговечностью примечательных мест: «Ни один город не меняется так быстро, как Нью-Йорк, ни один не имеет такую короткую память, ни один так не бессердечен к самому себе; в нем есть что-то нечеловеческое. Очень мало кто из ньюйоркцев уделяет хотя бы какое-то внимание наполняющим город историческим памятникам... Многие ли помнят, что в доме 26 на 20-й улице Ист-Сайда родился Теодор Рузвельт, что старейшее здание в городе находится на Пек Слип или даже что в Ист-ривер неподалеку от 53-й улицы предположительно покоится на дне корабль с сокровищами на 3 миллиона долларов? На 30-й улице Ист-Сайда живет мой издатель. Я раз пятьдесят был в его восхитительном доме, прежде чем узнал, что некогда в нем жил Джеймс Монро» (Gunther J. *Inside U.S.A.* N.Y.: Harper & Bros., 1947. P. 557).

13. Warner C.D. *Studies of the Great West*, III: Chicago // Harper's. 1888. Vol. LXXVI. P. 870.

14. См. многочисленные выдержки, особенно датированные после 1890 г., которые приводятся в книге: Pierce V.L. (ed.) *As Others See Chicago: Impressions of Visitors, 1673-1933*. Chicago: University of Chicago Press, 1933.

15. «Называйте Чикаго могучим, чудовищным, многоликим, энергичным, крепким, громадным, некротимым, напряженным, неестественным, целеустремленным, мощным, нелепым, немислимим – называйте как угодно – закиньте в него весь словарь!» Эту часто цитируемую характеристику, данную Джулианом Стритом, можно найти в: Pierce V.L. (ed.) *Op. cit.* P. 442.

16. Knight O. *Fort Worth*. Norman: University of Oklahoma Press, 1953. P. VIII. У Джорджа С. Перри это использование парадокса в обращении с городской сложностью делается вполне эксплицитным: «Ознакомление с Балтимором в немалой степени занято попытками распутать его бесконечные противоречия. Почти любое широкое утверждение о его характере будет неверным. Из 101 его согласованности большинство – не простые, прямолинейные парадоксы, а обманчивые, причудливо сшитые противоречия, которые не просто водят вокруг амбара Робин Гуда, а то проводят над ним, то уводят под него» (Perry G.S. *Cities of America*. N.Y.: Whittlesey House, McGraw-Hill Books Co., 1946. P. 45-46).

Парадокс может также неявно предполагаться, как, например, в названии вводной главы книги Элвина Ф. Харлоу о Цинциннати: «Динамическое спокойствие» (Harlow A.F. *The Serene Cincinnatians*. N.Y.: E.P. Dutton & Co., 1950. P. 9). Аналогичным образом Пол Кроуэлл и А.Х. Раскин, пишущие о Нью-Йорке, отрицают саму возможность адекватно изобразить колоссальную сложность этого города и просто отмечают: «Нью-Йорк – это не город. Это тысяча городов, каждый со своей жизнью и своим духом, упакованные

в ареал площадью 299 кв. миль. Это Бродвей и Бауэри, Уолл-стрит и Юнион-сквер, Парк-авеню и нижний Ист-Сайд, Кони-Айленд и Сторк-клуб» (Crowell P., Raskin A.H. New York: "Greatest City in the World" // Allen R.S. (ed.) *Our Fair City*. N.Y.: Vanguard Press, Inc., 1947. P. 37).

17. Стрэтгерс Бёрт в своей популярной истории Филадельфии отмечает: «Эта книга... своего рода гражданская биография, одна из тех романнных биографий, в которых вы рассматриваете героя как человека и пытаетесь выяснить, что он собой представляет и как он этого добился. В ней будет иногда даже психоанализ, ведь города – индивиды» (Burt S. Philadelphia: Holy Experiment. Garden City: Doubleday, Doran & Co., 1945. P. 14). Примеры атрибутирования личности городам найти нетрудно; более того, трудно их не найти.

18. См.: Lewis L., Smith H.J. Chicago: The History of Its Reputation. N.Y.: Harcourt, Brace & Co., 1929.

19. «Когда возникнет это чувство общности, Лос-Анджелес вступит в пору своей зрелости. А пока он подросток с гормональным дисбалансом юнца, который слишком быстро вырос и нуждается в гламуре больше, чем в мудрости или стойкой силе». Таковы заключительные строки статьи Мори Маверика и Роберта Харриса о Лос-Анджелесе. См.: Allen R.S. (ed.) *Op. cit.* P. 387.

Иногда к городам будут даже обращаться как к людям. Дороша Б. Хейс завершает свою популярную историю Чикаго откровенно мистическим обращением: «Чикаго... Ты вырос и стал большим с почти ужасающим американским великолепием – и за столь короткое время! Да, короткое! Пока люди не окрестили тебя городом и не взялись за дело всерьез, дабы претворить эту идею, твой дух спал. Тем не менее первый белый человек, сошедший к тебе и зарегистрировавший этот факт, провидел твое будущее» (Hayes D.B. Chicago: Crossroads of American Enterprise. N.Y.: Julian Messner, Inc., 1944. P. 302).

20. См.: Pierce V.L. *Op. cit.* P. 468. Цитируются слова Уолтера Л. Джорджа.

21. Mordant P. Rues et visages de New-York // Les oeuvres libres. 1950. T. LXII. P. 97.

22. «Посмотрите на дорогу Старушку Трифт. На этот пухлый и улыбчивый город Милуоки, усевшийся почтительно и неприязнательно на западном берегу озера Мичиган подобно богатой старушке в альпаговой накидке, вышедшей подышать воздухом на пляж. Все ее огрехи на виду, но это ее ничуть не беспокоит... Старушке Трифт вполне довольно того, что ее считают самым надежным и кредитоспособным городом в Америке. К сотой своей годовщине она не только не набрала долгов, но и скопила многие миллионы на банковских счетах.

Скупая и процветающая, эта старая дева, однако, не лишена противоречий. Когда что-то трогает ее сердце, она запускает руку в свой разбухший ридикюль и щедро подает. Но по большей части мягкосердечие ей не свойственно. Если речь заходит о городских фондах, она обычно смотрит жестко и вызывающе... Эта старая дева честна, ценит юмор, приятна в общении, но эксцентрична и никогда не ошибается» (Davis R.S. Milwaukee: Old Lady Thrift // Allen R.S. (ed.) *Op. cit.* P. 189-190).

23. Примером служит концепция Чикаго как «свинобоя и мясника всего мира», которую обнарудовал Уолдо Франк вскоре после выхода в свет стихотворения Сэндберга: «С одной стороны поезда доставляют скот и свиней. С другой поезда доставляют мужчин и женщин. Скот и свиней – с запада. Женщин и мужчин – с востока. А посередине, огороженные вымокшими стенами, таинственно стоят скотобойни в предвкушении своей бесконечной прибыли... Дух этого места и, возможно, его душа – неопишное зловоние. Его образуют искромсанное мясо, перемолотые кости, кровь, насквозь пропитавшая полы и разъедающая сталь, и пот. Зловоние теплое, густое, преследующее. Зловоние в каком-то смысле скорбное и чреватое, словно средоточие людей срослось с внутренностями зверей и породило новую сумрачную жизнь» (см.: Pierce V.L. *Op. cit.* P. 481).

24. См.: Pierce V.L. *Op. cit.*

25. *Ibid.* P. 261. Приводится в переводе В.Н. Кондракова по изданию: *Киплинг Р. От моря до моря* (путевые заметки). М.: Мысль, 1983. Гл. XXXIV.

26. Этот вид риторического вопрошания, призванный высветить индивидуальность города, используется Альвином Ф. Харлоу в «Суровых цинциннатцах»: «Больше столетия он шел своим причудливым путем. Где вы еще найдете, чтобы представления большой оперы с полностью звездными составами давали летом в зоологическом саду?... Где еще найдете хоть что-то сопоставимое с молитвенным паломничеством Страстной пятницы, когда тысячи ревностных католиков взбираются по длинной лестнице на самую вершину едва ли не Альп – горы Адамс... к располагающейся там церкви...? (Harlow A.F. *Op. cit.* P. 14).

27. Множество примеров см. в томах серии «Общество в Америке» издательства Dutton & Co., например: Amory C. *The Proper Bostonians*. Boston: Dutton & Co., 1947; Harlow A.F. *Op. cit.*; Tallant R. *The Romantic New Orleanians*. Boston: Dutton & Co., 1950. Едва ли не в каждой популярной городской истории используется подобная фразеология.

28. Ralph J. *The New Growth of St. Louis* // Harper's. 1892. Vol. LXXXV. P. 920. Эдвард Хангерфорд в книге «Личность американских городов» завершает свои замечания о Чикаго схожей фразеологией: «Вот, стало быть, дух твой, Чикаго, высшее вдохновение, парящее над кровлями выстроившихся монотонными

рядами серых домов, обзирающее сверху расползающийся, хаотичный город и возвещающее свой триумф над его внешним я» (Hungerford E. *The Personality of American Cities*. N.Y.: McBride, Nast & Co., 1913. P. 211).

29. Некоторые представительные утверждения «за» и «против» можно найти в следующих источниках: Sullivan M. *Why the West Dislikes New York: The Eternal Conflict between City and Country* // *World's Work*. 1926. Vol. LXI. P. 406-411; *New York City* // *Fortune*. 1939. Vol. XX. July. Особенно p. 73-75, 85; Merz C. *The Attack on New York* // *Harper's*. 1926. Vol. CLXIII. P. 81-87; Sparling E. *Is New York American?* // *Scribner's*. 1931. Vol. LXXX. P. 165-173; Symes L. *Our Last Frontier* // *Harper's*. 1929. Vol. CLXIX. P. 636-645.

30. В 1891 г. проникательный французский наблюдатель Поль де Русье охарактеризовал Чикаго как «самый активный, самый дерзновенный, самый американский из городов Союза... Именно здесь американцы поистине “движутся вперед”, именно здесь идея всегдашнего движения вперед без бесполезных сожалений и поисков виноватого, с бесстрашным и бесстрастным видом на будущее достигает своей максимальной силы... Эта уверенность имеет двойные истоки: личную энергию американцев и их привычность к успеху. Именно поэтому она сильнее всего там, где успех был особенно впечатляющим, сильнее в мясных городах западного побережья, чем в восточных центрах, ставших уже старыми, а сильнее всего — в Чикаго» (Rousiers P. de. *American Life*. N.Y.; P.: Firmin-Didot & Co., 1891. P. 73-74). Спустя 53 года Джон Гантер пишет: «О самом Чикаго можно так много всего сказать, что задача выразить все это сжато становится безнадежной. Это величайший и самый типично американский из всех американских городов. Нью-Йорк крупнее, зрелищнее и может превзойти его в других превосходных определениях, но это “мировой” город, более европейский в некоторых отношениях, нежели американский. В Чикаго, правда, так же много выходцев из-за рубежа, как и в Нью-Йорке, но его влияние есть всецело влияние Соединенных Штатов, и оно дает прежде всего ощущение, что на тебя обрушиваются со всех сторон Америка и Средний Запад» (Op. cit. P. 369-370).

31. См. недавнюю статью Ральфа С. Перри об американских городах в «*Saturday Evening Post*», в которой он присудил корону Канзас-Сити на следующих основаниях: «Канзас-Сити — это своего рода внутреннее американское перепутье и плавильный котел, где южанин и северянин, житель восточного и житель западного побережья встречаются и превращаются в простого Джона-американца, а Америка, по восторженному выражению одного старожилы, растекается “в океанах славы” во всех направлениях. Он берет свое начало в богатстве бостонских банков, западных земель и северных мехов. Это не только приблизительное географическое сердце Америки, но и центр притяжения для ее вкусов и эмоций. Мыльная опера, кинофильм или национальный журнал, не «берущие» чего-либо в Канзас-Сити, не имеют в стране шансов на долгую жизнь». См. также: Haskell H., Fowler R. *City of the Future: A Narrative History of Kansas City*. Kansas City: F. Glenn Pub., Co., 1950. P. 16-17; Garwood D. *Crossroads of America: The Story of Kansas City*. N.Y.: Norton & Co., 1948. P. 327.

32. См.: Harlow A.F. Op. cit.; Burt S. Op. cit.

33. Whitehead A.N. *Symbolism*. N.Y.: Macmillan Co., 1927.

34. Здесь мы доводим до конца импликацию символическо-интеракционистского видения языка. «Языковые символы не просто обозначают что-то другое. Они вдобавок указывают на значимость вещей для человеческого поведения и организуют поведение по отношению к символизированной вещи» (Lindesmith A.R., Strauss A.L. *Social Psychology*. Rev. ed. N.Y.: Dryden Press, 1956. P. 63). «Категория... конституирует точку зрения, схему действий, программу, заголовок или титр, ориентацию» (Dewey J. *Logic, the Theory of Inquiry*. N.Y.: Henry Holt & Co., 1938. P. 273).

Пер. с англ. В.Г. Николаева

Поступила в редакцию 07.09.2015